

Тамара Злобина

ЛЮБОВЬ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Часть 2

Тамара Злобина

Любовь на все времена. Часть 2

«Издательские решения»

Злобина Т.

Любовь на все времена. Часть 2 / Т. Злобина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960759-1

Мне хотелось рассказать о двух семьях — Фёдоровых и Федотовых, о их непростой жизни, их переживаниях, стремлениях, их надеждах, но ведь мы живём не в вакууме. Каждый из нас связан с другими людьми столькими невидимыми нитями, что если представить это, покажется, что наш мир сплошной, неразрывный клубок из этих связей, эмоций, нервов и чувств.

ISBN 978-5-44-960759-1

© Злобина Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Виктор	6
Глава 2. Василиса	9
Глава 3. Голудины	12
Глава 4. Неудавшийся приём	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Любовь на все времена

Часть 2

Тамара Злобина

© Тамара Злобина, 2018

ISBN 978-5-4496-0759-1 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-0400-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Виктор

Заноза-память «высветила» нас,
Наполнив душу болью и тоской,
Всё по-другому нынче и сейчас:
С тобой не я, а именно, другой.

Глядя в квадраты заспанных окон,
Твой силуэт согласен ожидать;
И верен, и по-прежнему влюблён,
А это – как у пропасти стоять.

Сжигая нервы, будоража кровь,
Сгорая в пустоте летящих лет,
Живёт во мне последняя любовь,
В её огне душе пощады нет.
(А. С. Коневник).

Прошло два года. Виктор уже год, как перешёл из МГУ в МГИМО. Казалось оборвал все нити, шагнув в своё новое будущее, а нет – не получилось. Почему прошлое не оставляло его? Почему не забывался тот разговор с Варей, его правда на разрыв, когда он, казалось вывернул перед девушкой свою душу наизнанку?

– «Раньше я думал, что в нашем треугольнике третий лишний – это Сергей... Теперь понимаю, что лишний в нём я.

– Я не узнаю тебя, Бахнин! – отреагировала Варя – Что с тобой сегодня?

– Просто я понял, что, если бы не ты... Если бы не Сергей... Из меня ничего не получилось. Не было бы в моей жизни ни Москвы, ни МГУ... В лучшем случае физкультурный факультет местного пединститута, а в худшем – скамья подсудимых»...

Виктор помнил, как сейчас, что Варя внимательно посмотрела в его глаза и он выдержал её взгляд.

– Виктор, ты понимаешь, что признать свои ошибки мало, – сказала она, – их ещё нужно и исправлять.

– Понимаю, – твёрдо ответил он. – Обещаю, что изменюсь. И первым шагом к изменению станет перевод в МГИМО на факультет международной торговли.

– Эх, куда замахнулся! – удивилась Варя.

– Думаешь не смогу?

– Зная твой характер, – ответила Варя, – уверена, что сможешь.

– Спасибо, – выдохнул Бахнин. – Мне очень нужно была твоя поддержка.

После этого разговора они разбежались. Но, как оказалось не теряли друг друга из вида.

Со стороны Варя видела, что Бахнин, действительно, меняется. Она удивлялась его силе воле, его характеру, понимая, что этот рыжеволосый парень своего добьётся. Кстати, рыжина его волос приобрела несколько иной оттенок и теперь не кричала, не бросалась в глаза, как раньше. Отдельным девушкам она даже нравилась, они считали Бахнина неординарным, выделяющимся из толпы.

Раньше бы Виктор назвал Варваре «закрутил роман» с какой-нибудь из её подруг, чтобы досадить девушке, но теперь понимал всю бесполезность и глупость этого мероприятия. Он должен был доказать, что достоин её внимания, её уважения.

– Быть может тогда она поймёт, кого отвергла? – думал он, встречая время от времени Варю на своём пути, но ничего, кроме приветствия не произносил.

Бахнин просто настойчиво шёл по тому пути, который выбрал.

Примерно один раз в месяц к нему приезжала мать. Они, как никогда, много общались, Виктор водил её по памятным местам города, иногда в ЦУМ или ГУМ. И каждый раз, уезжая домой, Василиса думала, что она «теряет сына» – он становился другим. У него совсем другие интересы, другие цели, даже разговор стал иным.

Василиса винила во всём себя, что такая необразованная и, что греха таить, некультурная мать, может только опозорить сына, который стремиться к светлой своей мечте. Но ведь и её мечте тоже! Она сама когда-то мечтала, как Горький, выйти в люди... А стала лишь торговкой – «базарной бабой».

И в один из таких приездов, Василиса призналась, что боится потерять его.

– Ты же один у меня, сынок, на всём белом свете! Если ты откажешься от меня – мне не зачем станет жить.

– Мать, о чём ты? – удивился Виктор. – Как я могу от тебя отказаться? Ты для меня самый родной человек, который всегда понимал меня и поддерживал.

– А сейчас не понимаю, Витюша, – призналась Василиса. – Порой мне кажется, что ты всё дальше и дальше от меня... И я ничего не могу сделать, чтобы дотянуться до тебя.

В ответ Виктор пошутил:

– Придётся вам, Василиса Игнатьевна, подтягиваться к уровню своего сына. Смотришь вместе и выйдем на просторы международной торговли!

– Думаешь я смогу? – зарделась мать.

Виктор подкинул ей идею так – ради шутки, в полной уверенности, что мать на это никогда не пойдёт:

– Для начала хотя бы закончи торговый техникум! Только по честному, чтобы были твёрдые знания, я не купленный диплом. А там уж и на институт можно замахнуться.

Василиса приняла шутку всерьёз: в этот же год она съездила к себе на родину в Костромскую область, выстарала аттестат об окончании семи классов и пошла в вечернюю школу в восьмой класс, чтобы вспомнить то, что давно уже забыла. Теперь книжки и учебники стали её постоянными спутниками. На работе даже посмеивались:

– Василиса ты совсем свихнулась на почве образования! И зачем тебе это – плохо что ли живёшь? Всех денег не заработать...

Слушая такие разговоры, Василиса начинала сердиться, удивляясь узкому мышлению друзей, пытаясь объяснить свою правду:

– Дело не в деньгах, а в уважении! Я кто? Василиса... Торговка. Базарная женщина... А хочу быть Василисой Игнатьевной. Чтобы уважали не за то, как я торгую, а за образование и культуру.

Она по-прежнему приезжала к Виктору каждый месяц, стараясь вникать в его жизнь. Хвалиться особенно не хвалилась – лишь намекала. Боялась, что не хватит терпения осилить

то, что сдуру взвалила на себя. Но отступить уже не могла – иначе сын перестанет уважать, а это было равносильно смерти.

У Бахнина тоже был значимый стимул: Варя. Чтобы девушка не забыла его, не выкинула из памяти, он время от времени возникал в её жизни с какой-нибудь задачей, стараясь вовлечь девушку в свою жизнь, в жизнь своего института.

То у него организовывалось мероприятие, в котором нужна была пара, то необходимо было что-то подобрать из одежды, чтобы не упасть в грязь лицом перед «собратями по разуму», то вдруг понадобилась партнёрша по танцам, то нужна была корректура текста, когда он готовил очередной семинар на тему международной политики и международного общения.

Он ничего не требовал от девушки, ни на что, казалось, не претендовал, даже взглядом старался не выдать своего отношения. Решил: друг – так друг. Что будет дальше посмотрим.

И вот однажды на его горизонте возникла странная девушка по имени Любава. Странное имя – ему под стать девушка. Фигурка будто статуэтка, большие, зелёные глаза и, пушистым веером вокруг очаровательно головки, волосы. Губки алые, манящие, к которым хотелось припасть и пить, как из родника. Но такая пугливая... Любава! Даже дотронуться до руки страшно – убежит или расплачется?

Варвара смеялась над ним:

– Ну, всё, Бахнин, наконец, ты действительно влюбился! И это, вижу, серьёзно.

И Виктор начинал краснеть, отнекиваясь и протестуя, хотя сам уже понимал, что эта девушка вошла в его сердце сразу, как его взгляд потонул в её глазах.

Но между ними была непреодолимая пропасть: девушка из очень обеспеченной, интеллигентной семьи – таких, как он туда даже на порог не пускали.

– Ну и чего ты скис, Бахнин? – поинтересовалась однажды Варя, заметив, каким «жадным взглядом» смотрит Виктор на девушку. – Где твоя смелость, парень? При взгляде на Любаву ты становишься похож на глухонемого... Так забавно видеть тебя таким... Помнишь ты как-то сказал: Москва соплям не верит?! Ну так не раскисай – докажи, что на равных. Я знаю: ты сможешь.

И отступать было уже некуда. Но душа Виктора словно раздваивалась: и Варя не забывалась, сидела в голове, словно расколённый гвоздь, и новая знакомая будоражила воображение.

Виктор представлял себя рядом с Любавой и понимал, что ему тянуться и тянуться до уровня этой девушки. Это был для него ещё тот стимул – почище Вари.

Однако, не мог пока Виктор выбрать одну из двух – не мог.

Замечал, что часто стал вздыхать, витал где-то в облаках и обещал себе, что возьмёт себя в руки. Если не сию минуту, то завтра – непременно.

Глава 2. Василиса

Прошу тебя, не будь занудой!
И будь, пожалуйста, добрей!
Несись вперёд с весельем круто,
Но будь ко мне чуть-чуть милей.

Учи меня, но не жестоко.
Пытай лишь чувствами любви,
Душа чтоб – «только о высоком»!
И всех любимых сохрани.

Найти хороший компромисс
С тобой порой бывает трудно...
Но я прошу, не будь занудной,
Моя неправильная жизнь!
(Мила Апрель)

В один из своих приездов в Москву Василиса спросила Виктора нет ли у него девушки.
– Какие девушки, мать? – пробурчал в ответ Виктор. – Тут времени не хватает на учёбу...
Я сплю порой по три-четыре часа. А ты девушки!

Василиса не поверила сыну – уж больно быстро он отбрил её.

– А что это за девушка с которой я тебя встретила у института? – продолжала допытываться мать.

– Сокурсница! – ответил он резко, явно не собираясь вдаваться в подробности.

– А мне твоя сокурсница понравилась, – отреагировала Василиса. – На Дюймовочку похожа.

– На какую Дюймовочку? – удивлённо посмотрел на неё Виктор.

– На ту – что из сказки, – пояснила мать. – Такая тоненькая. Как фея... На неё и дышать-то, наверное, страшно.

– Почему? – продолжал удивляться сын.

– Улететь может, – вполне серьёзно ответила Василиса.

И продолжила:

– Какая же семья у этой девушки, интересно? Вот посмотреть бы на неё одним глазком!

– Да они тебя даже на порог не пустят! – невесело засмеялся Виктор.

– А тебя пустят? – с надеждой поинтересовалась мать.

– И меня тоже не пустят, – «успокоил» её Виктор.

– Это почему-то?! – начала сердиться Василиса. – Рылом что ли не вышел?!

– Потому-то! – передразнил её сын. – Происхождением не вышел.

– А может у нас с тобой вполне даже годное происхождение?! – гордо вздёрнула подбородок Василиса. – В нашем приюте воспитательница называла меня «графским вырожденком»... Может не просто так называла? Родителей-то своих я не помню. Кто такие, откуда, почему? ... Тайна великая.

– Любую тайну, мать, можно раскрыть при желании, – улыбнулся Виктор.

– Как?! – запротестовала Василиса.

– Как-как?! – теперь уже начал терять терпение Виктор. – Найти ту воспитательницу и узнать почему она тебя так называла.

– Ты в своём уме, Витюша?! – возмутилась Василиса. – Столько лет прошло! Где ж теперь её искать? Россия большая... Может её уж и в живых-то нет?

– Поезжай в приют – там и узнаешь! – ответил Виктор.

При расставании Василиса сказала сыну:

– Ты, сынок, всё ж побывай в семье своей Дюймовочки. Тогда и поймёшь стоит ли страдать по этой девушке. Происхождение для кого-то, может быть, важно, но и душу человеческую при этом тоже нужно иметь... И у тех, кто «рылом не вышел» душа имеется... Ты же у меня никогда не сдаёшься, Витюша!

Всю дорогу домой Василиса думала о словах сына. Ей было очень обидно, что какие-то Голудины (послал же Господь такую фамилию?) имеют совесть не пускать её сына к себе домой!

– Не правда, что мы рылом не вышли! – думала она. – И Витюша у меня парень хоть куда – вон в каком институте учится! И я женщина – в самом соку, ещё не старая, и сорока нет... Многие мужчины засматриваются, даже клинья подбивают... Вот закончим мы с Витюшей образование, они ещё локти будут кусать, что отвернулись от нас. Сынок мой – далеко пойдёт! А я уж следом за ним... Постараюсь изо всех сил.

Жизнь у Василисы непростая была, как у многих и многих людей её времени. В детский приют она попала, когда ей ещё и трёх лет не было. Она даже не уверена, что Бахнина её настоящая фамилия. Хотя имя, казалось, её.

В детстве Василисе снился один и тот же сон: молодая, красивая, нарядно одетая женщина, тянет к ней руки и говорит, словно поёт: – «Василисушка, радость моя, иди ко мне! Иди, родная, не бойся».

Просыпалась девочка всегда в слезах – сердечко её трепетало и рвалось к той женщине, которая ласкала её и взглядом, и голосом. А не во сне – наяву она была «графским вырожденком», которого шпыняли, обижали все, кому не лень.

Может потому она стала такой чёрствой, такой оцетинившейся, как ёж, что с самого детства не видела ничего доброго? Даже от собственного сына поначалу хотела отказать, ведь он был не от любимого мужчины, а от бандита, взявшего её силой. Только после рождения Витюши её сердце немного оттаяло. Теперь она жизни не представляла без сына – ради него готова была на всё. Весь мужской род вместилился для неё в сыне – больше она никого не видела, и видеть не хотела.

Ничего удивительного, что она всё же поехала в тот детский приют в Костроме, в котором прошли её детские годы. Воспитательницы, конечно, она не нашла – никто не знал где она.

– Уехала – и всё! – сказала ей новая заведующая. – А куда – невесть.

Старая заведующая уже к тому времени покоилась на городском кладбище. Заведующая новая даже сказала ей номер захоронения, но Василиса не собиралась навещать ту, о которой не могла сказать ни одного доброго слова.

Зато Василиса нашла бывшую повариху – Евдокию Воронову, доживающую век на окраине города в полуразвалившейся хибаре.

Вспоминала она Василису долго, но, когда услышала имя воспитательницы Шаблониной Нины Николаевны, её память словно разблокировалось, особенно после того, как Василиса налила ей полстакана водки, купленной по случаю встречи.

– Нинку помню хорошо! – шамкая беззубым ртом заявила повариха. – Мы с ней товарками были... Та ещё сука была! Мого парня увела... Хотя за то Бог её наказал: бил её Ванька смертным боем! Печкой разе не бил, а о печь – так постоянно.

Воронова долго бы ещё жаловалась на свою бывшую товарку, но Василиса её перебила:

– Тётя Дуся, а вы о Бахниной Василисе ничего не помните?

– Плесни ка мне ещё водочки, – попросила старуха.

Василиса налила ещё полстакана, и бывшая повариха вылила напиток в рот, как воду – даже поморщиться забыла. Немного помолчала, потом переспросила:

– Как ты сказала: Бахнина? Василиса?... Как же, помню. Тебя ещё «графским вырожденком» Нинка окрестила.

– Почему так она меня называла? – спросила Бахнина.

– А чёрт его знает! – ответила тётя Дуся. – Нинка говорила, что тебя в приют привёз Бахнин Игнат... На него тебя и записали.

– Кто такой этот Игнат? – продолжала допытываться Василиса.

Повариху уже развезло и она просто послала бывшую воспитанницу подальше.

– Чё пристала?! – заявила она. – Кто да как?! Откуда я знаю? У Нинки-суки спроси... Она тебя называла – она и знает...

– Так уехала она, – ответила Василиса, жалея о том, что встретила с этой опустившейся женщиной.

– Уехала? – словно что-то припоминая, отозвалась, Евдокия. – Нет, не уехала! Её Ванька прибил... Совсем.. За то его и посадили, горемыку... А я так и осталась по жизни одна... Ни одного мужика видеть больше не захотела... Нет, потом, конечно, у меня были мужики, но так – дерьмовые... Ваньке не чета.

Так и ушла Бахнина от бывшей поварихи, почти ни с чем. Даже выяснить, кто такой этот самый Игнат Бахнин на которого её записали, не смогла. Нужно было идти в городской архив. Но там сказали, что все документы того времени сгорели в пожаре и посоветовали обойти церкви: может там повезёт и найдётся запись о крещении – либо её, либо Бахнина Игната. Но времени у Василисы уже не было – нужно было возвращаться на работу.

Домой Василиса возвращалась весьма расстроенной. Интуиция подсказывала, что не так всё просто с её происхождением, но жизнь строила ей препоны даже в этом: тайна рождения была от неё скрыта за плотной шторкой, которую она не может раскрыть – пока не может. Всё та же интуиция подсказывала, что всё у неё получится. Если не сегодня – то завтра.

Глава 3. Голудины

Мать Любавы – Елена Никифоровна была просто помешана на родословных. Непонятно почему ей казалось, что самое главное в жизни: принадлежность к знатному роду. И тот, кто не принадлежал к такому роду – недостойн её внимания

Увлечение её, конечно, было скрытным: не настали ещё те времена, когда об этом можно было говорить в открытую и заслуженно гордиться своим происхождением. Но утончённая Елена была уверена, что такие времена настанут, и очень скоро. По её наивному мнению все несправедливости должны быть, рано или поздно, исправлены

Даже подруг себе Голудина выбирала только из числа семейств высокого ранга. «Плебеев» в их доме дальше передней, кухни и ванной не пускали. Ещё бы, ведь её род брал своё начало от второй ветви князей Бартевых. Их родовое гнездо, разорённое в 20-ые годы, находилось в Костромской губернии. Бабушка Елены Никифоровны по материнской линии – Елизавета Антоновна, дочь знаменитого московского купца Антона Гизетти, была замужем за Дмитрием Ивановичем Бартевым, чем Голудина очень гордилась.

Отец Любавы – Яков Михайлович, не понимал пристрастия жены и иногда подсмеивался над ней:

– Ты забываешь, дорогая, что род Бартевых начался от Бартея – холопа князя Юрия Дмитриевича Звенигородского.

Этого Елена Никифоровна слышать не хотела и всегда начинала сердиться на мужа.

Когда Любава сообщила матери, что хочет познакомить её со своим другом-сокурсником, Елена Никифоровна первым делом спросила:

– Как фамилия у твоего протеже и кто его родители?

– Его зовут Бахнин Виктор. У него только мать – отец погиб, видимо, во время войны...

Мать – работник торговли.

– Слишком скудные сведения! – отреагировала Елена Никифоровна. – Я бы не хотела знакомиться с молодым человеком, весьма сомнительного происхождения.

Но, немного подумав, заинтересовалась:

– Твой... курсник не из Костромской губернии?

– Области, мама, области! – поправила её дочь. – Нет, он из города Энска. А что?

– Фамилия у этого... Кажется ты называла его ВиктОром? Знакомая фамилия... Когда-то – ещё в детстве, я знавала семейство Бахниных.

И добавила, словно, делая милость:

– Ладно, дочь, приводи своего курсника. Посмотрим, что это за товарищ...

В тот же день Любава сообщила Виктору, что её мама хочет с ним познакомиться, и Бахнину впервые в жизни стало не по себе – он даже понятия не имел, как вести себя в таких случаях и в таких семьях.

– Может не стоит? – робко попытался протестовать он. – Ведь я даже не знаю, как вести себя на таких приёмах... Вдруг опозорю тебя?

– Это не будет приёмом, – «обрадовала» его девушка. – Скорее так – беседа тет а тет.

Смысла последнего слова Виктор не понял, но спрашивать, что оно означает, не позволила гордость. На мгновение ему показалось, что девушка козыряет перед ним своими знани-

ями иностранных языков, и его это очень задело. Он не мог поверить, что девушка с такой ангельской внешностью – самая обычная с теми же пороками, как и её мать и, как, видимо, все её круга.

После расставания с Любовью Виктор подумал:

– Может мать права и мне не стоит рубить дерево не по себе? В таком обществе всю жизнь будешь вороной, но не белой, а как говорит Василиса Игнатьевна: сер-бур-малиновой в чёрную полосу.

Они уже знакомы полгода, но Любава так и не подпустила его к себе ближе, чем на расстояние вытянутой руки. Порой Виктору казалось, что он её просто развлекает, порой, что рядом с такой девушкой должен быть кто-то, чтобы другие знали: место занято, и не суетились. Но чаще парню казалось, что она его не понимает – он для неё, как существо с иной планеты.

– Может отказаться от этой «беседы тат а тет»? – подумал Бахнин, понимая, что ничего она не даст, ведь если маман Любушки скажет ему что-то обидное, уничижительное, он, непременно, сорвётся и наговорит ей кучу «любезностей». – И тогда «дружбе» конец... Если, конечно, это можно назвать дружбой.

И всё-таки встреча состоялась. Любава чуть ли не за руку тащила Виктора, подсмеиваясь над его нерешительностью.

– Да не съест тебя, маман, уверяю! – смеялась девушка. – Она хоть и всеядная, но людей не ест – даже молодых!

– Ну, и шуточки у тебя, Любушка, – попытался улыбнуться Виктор. – Прямо мороз по коже.

– Правда? – внимательно посмотрела на него девушка. – Не думала, что мои слова произведут на тебя такое впечатление... Напротив, хотела приободрить.

– Тебе это почти удалось, – усмехнулся Бахнин.

Елена Никифоровна оказалась невероятно красивой дамой. В ней всё было тютелька в тютельку: и рост, и полнота, и фигура, и шикарные волосы, и глаза, как у дочери. Только глаза эти смотрели совсем иначе: не с любопытством и улыбкой, а внимательно, настороженно, словно спрашивая, что ты за фрукт такой, Виктор Бахнин?

Когда при знакомстве мать Любавы подала ему руку, Виктор так растерялся, что энергично встряхнул её, вызывая у женщины усмешку. А ведь по задумке он должен был поцеловать эту ухоженную маленькую ручку.

Дама предложила гостю пройти в гостиную. Одного взгляда Виктору хватило, чтобы понять, что ему тут не место.

– Это не гостиная – это музей! – не то восхитился, не то возмутился мысленно Виктор. – Как вообще жить можно, среди дорогих экспонатов?!

И Бахнин понял, что и дама – тоже «дорогой экспонат», дополняющий собой всю эту роскошь. И сразу решил, относится к ней, как к этому самому экспонату: ничего не принимать близко к сердцу и не становится в позу ведь глупо обижаться на стул или кушетку, если они тебе «наступили на ногу».

– Итак, – начала дама, – Любушка говорила мне, что вы, Виктор, изучаете с ней одни и те же предметы.

– Да, мадам, – неожиданно для себя ляпнул Бахнин.

– Называйте меня, пожалуйста, Еленой Никифоровной, – поправила та.

Виктор вновь хотел сказать своё «да, мадам», но Любава успела легонько наступить ему на ногу, давая понять, что этого делать не нужно.

– Любушка говорила, что вас воспитывала мама... Не могли бы вы немного рассказать о своей семье? Откуда вы, чем занимались ваши предки?...

– Да, собственно, особенно нечего рассказывать, – отреагировал Виктор. – Мама с двухлетнего возраста осталась без родителей... Один добрый человек передал её в детский приют... На его фамилию её и оформили: Бахнина Василиса Игнатьевна.

– Где это случилось? – спросила Елена Никифоровна, меняясь в лице. – Где находился этот приют? Не в Костроме ли?

– Откуда вы знаете? – удивился Бахнин, непонимающе глядя в красивое лицо дамы.

– С первого взгляда на вас, Виктор, меня не покидала мысль, что ваше лицо я уже где-то видела... Но ведь мы с вами никогда не встречались раньше?

– Нет, не встречались, – растеряно подтвердил Бахнин.

Елена Никифоровна по-девичьи легко поднялась с софы, на которой восседала, как знатная дама во время приёма.

– Подождите тут! – бросила она. – Я сейчас!

Любава и Виктор переглянулись между собой, ничего не понимая.

Дама вернулась очень быстро. В её руках был семейный альбом в малиновом бархатном переплёте. Не заботясь об этикете она плюхнулась рядом с Виктором, укладывая альбом на его колени.

– Открывайте на пятой страничке! – сказала она, прижимая к глазам надушенный кружевной платочек.

Виктор исполнил приказание дамы и открыл альбом на указанной страничке.

С фотографий на него смотрели знакомые лица: пышная дама явно дореволюционного времени, сидящая в плетёном кресле под пальмой и мальчик, лет пяти-шести. Дама, как две капли воды была похожа на его мать, а мальчик сильно напоминал его самого.

– Кто это? – севшим голосом спросил Виктор?

– Это моя бабушка по материнской линии – Бартенева Елена Антоновна – в девичестве Гизетти, – сказала Елена Никифоровна.

Любава и Виктор вновь переглянулись.

– Если бы ни это невозможное одеяние, – всё ещё ничего не понимая, произнёс Бахнин – я бы сказал, что это – моя мать.

– Поздравляю тебя Любушка, – нервно засмеялась дама. – перед тобой потомок Барте-невых-Гизетти – наш родственник по женской линии.

Глава 4. Неудавшийся приём

Цыганка с картами, дорога дальняя,
Дорога дальняя, казённый дом.
Быть может, старая тюрьма центральная
Меня, парнишечку, по новой ждёт.

Таганка, все ночи, полные огня,
Таганка, зачем сгубила ты меня?
Таганка, я твой бессменный арестант —
Погибли юность и талант в твоих стенах.
(«Таганка» – слова народные)

– Зачем так шутить? – побледнел Виктор. – Я не имею никакого отношения к этим... Господам... Ни-ка-ко-го!

Голудина с удивлением посмотрела на молодого человека, не понимая его реакции: многие почли бы за честь принадлежать к этому семейству, а он шарахается от такой чести, как чёрт от ладана.

Окончание встречи было скомкано и Бахнин поторопился распрощаться с матерью и дочерью. Любава хотела проводить его, но Елена Никифоровна сказала:

– Я сама провожу ВиктОра. У меня есть к нему пара слов.

Уже у самых дверей квартиры дама сказала:

– Ну, вы понимаете, ВиктОр, что ничего серьёзного между вами и моей дочерью Любовью быть не может. Вы, как оказалось, родственники...

– Я в это поверю только тогда, когда будут неопровержимые доказательства! – парировал Бахнин. – По моему мнению – это просто совпадение...

– Породу не спрячешь! – назидательно произнесла дама. – Золото блестит даже в грязи!

– Елена Никифоровна, – уже возле самого порога, едва сдерживая себя, сказал Виктор, – можно задать вам один вопрос?

– Да, молодой человек, задавайте, – милостиво разрешила дама.

– Кто такие эти самые Бахнины, о которых вы говорили?

– Бахнин Анисим был управляющим именем Бартеневых. Его семья: жена и сыновья – Архип и Игнат, жили в специально отведённом доме, рядом с усадьбой... Впрочем, ВиктОр, если захотите побольше узнать и о своей родовой семье, и о Бахниных от которых вы получили теперешнюю фамилию... Милости просим в следующую субботу к нам, на небольшой приём. Я познакомлю вас и с хозяином дома, и с некоторыми из своих друзей... Только оденьтесь, пожалуйста... ПосOLIDнее что ли.

От Голудиных Виктор уходил с противоречивыми чувствами и мыслями. Он не верил, что эта спесивая барынька может быть их родственницей – по любой линии. Слишком большой разрыв между нею и его матерью. Между семьёй Голудиных и их семьёй. И он, и Василиса Игнатьевна – простые, обычные люди...

И тут мысль Виктора словно запнулась о какую-то преграду. Обычные? Простые? Он – возможно, Но Василиса Игнатьевна? Он начал вспоминать, что мать иногда удивляла его сво-

ими жестами и поступками, противоречащими друг другу, словно она разрывалась между двумя, совершенно разными мирами, не примкнув ни к одному из них.

То она была великодушна и щедра до невероятности, жалея всех и каждого, то почти сквалыжна, собирая каждую копейку. А уж, как она могла виртуозно торговать и торговаться – на зависть многим из её окружения.

– Не стоит решать скандалка! – сделал вывод Виктор. – Нет, тут нужно во всём разобраться...

В этот момент он впервые пожалел о том, что мать далеко, и он не может с ней связаться прямо сейчас, немедленно. Ведь у неё на работе есть телефон, а он так и не удосужился узнать его номер. Именно сейчас, когда ему так нужно связаться с ней, у него нет такой возможности!

Немного погодя Бахнин успокоился, вспомнив, что через день мать всё равно должна приехать в Москву, как это делала всегда.

– Тогда и поговорим обо всём, – решил он. – И нечего, Виктор, горячку пороть.

При слове Виктор, он усмехнулся, вспоминая с каким гордым видом произносила его мать любимой девушки. Он прекрасно понял, что ему дали от ворот поворот, сказав, чтобы он даже не мечтал о Любаве... Так сказать – гусь свинье не товарищ.

Бахнин рассмеялся, вникнув, наконец, в свои слова.

– Так кто же из нас гусь, а кто свинья?! – произнёс он вслух, – Свинья в данном случае, именно я... Безродный парень позарился на дочь отпрысков великих князей?! Смешно? Глупо? Скорее всего и то, и другое.

В положенное время Василиса Игнатьевна не приехала. Не приехала она и на другой день, и на третий, и Виктор начал волноваться, забывая, что через сутки приглашён на официальный приём в дом Голудиных, а когда вспомнил – заметался.

Не зря же Елена Никифоровна предупредила, что он должен соответствовать её дому даже в одежде.

– Чёрт побери этих аристократов! – думал он. – Всюду у них условности, всюду рамки и этикеты. Нам ли простолюдинам пытаться вскарабкаться на их, недостижимую для нас, высоту?!

Пришлось консультироваться с Любовью, как ему одеться на этот приём.

– Это всё придирки маман, – ответила та. – По мне ты одет вполне подобающе: белая рубашка, хорошо выглаженные брюки... Обувь только следует начистить до блеска... Чтобы в неё можно было «смотреться, как в зеркало». Это не мои слова – слова Елены Никифоровны... Ну и, конечно, не забудь цветы для неё! Она любит белые хризантемы.

И вот настала суббота. Приём был назначен на шесть вечера, а Виктор был уже с утра сам не свой – даже от Вари отмахнулся, как от назойливой мухи, когда она попыталась узнать, что с ним происходит. Девушка обиделась и исчезла в неизвестном направлении, что не особенно взволновало Бахнина: сегодня вечером, можно сказать, решалась его жизнь.

Явившись, как и положено, молодому человеку с претензией на более близкое знакомство: с цветами для хозяйки и для её дочери, в новой белоснежной рубашке, в безукоризненно отглаженных брюках и сияющей обуви, Бахнин ожидал большего, чем получил.

Хозяйка дома представила его всем, как сокурсника её дочери – не более того. Даже мужу не сказала ни слова о том, кто этот молодой человек, по её мнению, на самом деле.

Разочарование от приёма было полное, и Виктор просто заставил себя досидеть почти до самого его окончания. Гости развлекались по привычке: кто-то из дам музицировал, кто-то пел старинные романсы, мужчины играли в вист и другие карточные игры, название которых Виктор никогда не слышал.

Бахнин просто не находил места, чувствуя себя лишним в этом обществе. Раздражало ещё то, что Любава даже не пыталась спасти утопающего, наблюдая за ним со стороны.

– «Бросили, как несмышлёного кутька в воду, и теперь наблюдают: выплыву, или потону? – думал он. – Ну ничего – я сейчас вам устрою песни с танцами.

Он жестом подозвал к себе Любаву и спросил:

– В этом доме имеется гитара?

Та с удивлением посмотрела на парня и ответила:

– Конечно.

– Неси!

Когда раздались первые аккорды компания смолкла и свои взоры, невольно, обратила на рыжего парня, которого посчитала совершенно неинтересным и лишним здесь.

Виктор слегка откашлялся и запел неожиданно красивым голосом на грани тенора и баритона:

– Цыганка с картами, дорога дальняя,

Дорога дальняя, казённый дом.

Быть может, старая тюрьма центральная

Меня, парнишечку, по новой ждёт.

Таганка, все ночи, полные огня,

Таганка, зачем сгубила ты меня?

Таганка, я твой бессменный арестант —

Погибли юность и талант в твоих стенах.

Сестренка милая, моя любимая,

Как тяжело на свете жить.

Куда ни гляну я – кругом решёточки,

И как-то медленно проходят дни.

Я знаю – мы с тобой больше не встретимся

Дороги разные нам суждены.

Опять по пятницам пойдут свидания

И слёзы горькие моей семьи.

Допеть песню ему не дали. Елена Игнатьевна, весьма поспешно, соскочила с места и сказала очень громко, перекрывая голос певца:

– Гости дорогие, попрошу всех к столу!

Виктор поклонился, передал гитару Любаве, которая смотрела на него почти обожающими глазами и сказал:

– Разрешите откланяться, господа – меня ждут более важные дела! Провожать не нужно – дорогу знаю.

И всё-таки Любава увязалась за ним.

– Ну, ты и дал! – сказала она, давась смехом. – Видел бы ты лицо маман! Отец был просто в восторге от твоего исполнения... Это же «Таганка»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.